

Доу Шишань размышлял над загадкой маленьких крупиц и так и заснул за этими мыслями. Когда он проснулся снова, настал новый день.

Вскоре подошёл день праздника по случаю первой луны маленького друга Доу Шишаня.

В этот день Доу Шишань видел сладкие сны: ему приснилось, будто он снова вернулся к армейской жизни, снова увидел своего командира и боевых товарищей, вновь очутился на тренировочной площадке и в столовой. Он снова ел стряпню толстяка-повара из столовой, и даже еда, которую раньше он считал лишённой масла, сейчас казалась невероятно вкусной. Почему же она казалась такой вкусной? Доу Шишань вспомнил ту гадкую питательную смесь, которую ему доводилось есть! Наслаждаясь трапезой, он вдруг услышал, как кто-то зовет его. Чей это голос? Доу Шишань нашёл его одновременно знакомым и незнакомым. Он изо всех сил попытался что-то вспомнить — словно утраченная память возвращалась на место, — и Доу Шишань резко очнулся.

— Малыш, просыпайся скорее, сегодня праздник твоего первого месяца, дедушка и дядя придут! — без умолку тараторил Доу Вэнь, обращаясь к только что проснувшемуся Доу Шишаню, чьё сознание ещё не до конца вернулось в тело.

Доу Шишань стерпел раздражение от того, что его разбудили, и посмотрел на сорванца, который что-то ему бормотал. По выражению лица этого малявки можно было легко понять, как сильно тот боготворит дедушку и дядю. Но как бы сильно ты ими ни восхищался, вырасти — тебе всё равно придётся занять отцовский пост, а с армией твоя судьба никак не связана, — недобро про себя подумал Доу Шишань. Впрочем, хотя он и думал так, это всё равно не могло искупить гнев Доу Шишаня из-за того, что его разбудили: ведь во сне он чуть было не отведал вкусной еды! Как бы наказать этого сорванца? Заметив боковым зрением входящего в дверь омегу-родителя, Доу Шишань испустил громкое «уа!» и расплатился «слезами». Стоит признать, некий Доу выкладывался по полной.

Сы Юй, только что переступивший порог, внезапно услышал детский плач. Что такое? С самого рождения малыш плакал всего пару раз, с чего бы ему вдруг реветь? Подумав об этом, Сы Юй ускорил шаги, подошёл к кровати, поднял плачущего малыша на руки и мягко спросил:

— Что это с тобой, хороший мой?

Сы Юй одной рукой легко поглаживал Доу Шишаня по спинке и, заметив стоявшего рядом старшего сына, спросил:

— Вэнь-эр, ты знаешь, почему братик плачет? Не ты ли его обидел?

Если бы малыш проголодался или у него возникли какие-то другие проблемы со здоровьем, робот подошёл бы и предпринял соответствующие меры, но сейчас робота поблизости не было, и Сы Юй заподозрил, что старший сын досадил младшему.

Столкнувшись с вопросом омеги-родителя, Доу Вэнь почувствовал себя ужасно несправедливо обвинённым: он ведь всего-навсего разбудил братика, откуда ему знать, почему тот ревет?

— Я просто разбудил младшего брата! Сегодня же праздник его первого месяца, дедушка и дядя приедут.

Сы Юй мгновенно потерял дар речи. Неудивительно, что его послушный малыш расплакался — кому понравится, когда его грубо будят? Вспомнив старшего сына в детстве, который ежедневно без всякой видимой причины принимался реветь по несколько раз на дню, Сы Юй понял, что младший сын по сравнению со старшим — просто ангел, с ним и хлопот было куда меньше.

— Разве тебе самому не бывает неприятно, когда тебя будят? Тем более младшему братику. Больше не мешай ему отдыхать, иначе из-за плохого сна он будет чувствовать себя неважно, — терпеливо объяснил старшему сыну Сы Юй.

Доу Шишань решил, что для нужного эффекта хватит, и вовремя остановился. К тому же, если подумать, вы же все равно не видели, что я делал — разве я что-то сделал? Доу Шишань ни за что бы не признался, что только что ревел.

Доу Вэнь понял причину плача брата и задумался: неужели брату было плохо оттого, что он его разбудил? Мальчика охватило чувство вины.

— Понял, мама.

Он просто так сильно ждал приезда дедушки и дяди, что не удержался и решил поделиться новостью с братом.

— Мама, а когда приедут дедушка и дядя?

Глядя на только что виноватое лицо старшего сына, который, не дождавшись даже его утешения, снова уставился на него сияющими от восторга глазами и принялся допытываться, когда же прибудут дед и дядя, Сы Юй лишь вздохнул. Как ни крути, а перед лицом сильных людей все испытывают благоговейный трепет.

— Наверное, уже скоро. Впрочем, они не смогут задержаться надолго, ведь ты и сам знаешь, как они заняты. Смотри у меня, веди себя послушно, — не удержавшись, наказал старшему сыну Сы Юй: этот ребёнок каждый раз, стоило ему увидеть отца и старшего брата, лип к ним и не отпускал.

— Понял, мама, — послушно пообещал Доу Вэнь. На этот раз ради брата и собственного имиджа он решил обуздать своё желание назойливо приставать к дедушке и дяде!

Доу Шишань, разбуженный на руках у Сы Юя, тоже потерял весь сон. Решив больше не пытаться заснуть, он принялся обдумывать вчерашние недодуманные вопросы.

Сы Юй достал приготовленную заранее крошечную одежду и переодел Доу Шишаня. Стоит сказать, что с самого рождения Доу Шишань носил один и тот же комплект одежды. Он понятия не имел, из какого материала она была сделана, но чувствовал необычайный комфорт.

Говорили, что этот наряд изготавливается по спецзаказу для младенцев из редких материалов, и его нужно сдать в Службу новорождённых сразу после того, как ребёнок переживёт опасный первый месяц риска внезапной смерти, сменив на обычную одежду. Услышав поначалу, что до него эту одежду уже кто-то носил, Доу Шишань испытал лёгкий внутренний протест, но, вспомнив, что это полезно для здоровья, а технологии нынче развиты и ткань наверняка прошла тщательную стерилизацию и дезинфекцию перед тем, как попасть к нему, он мог лишь успокоить себя этим.

Погруженный в глубокие раздумья, Доу Шишань не заметил, как омега-родитель полностью его раздела. Если бы он обратил на это внимание, то наверняка снова начал бы смущаться, а затем от стыда и злости принялся бы буяннить — впрочем, исключительно мысленно.

Быстро настало время обеда. Отец Сы Юя, его старший брат с супругом, а также Линкольн со своим спутником прибыли один за другим.

Доу Шишань окинул взглядом своего впервые увиденного дедушку по имени Сы Цисян. Тот выглядел очень суровым человеком лет сорока-пятидесяти по земным меркам, хотя в реальности его возраст составлял никак не меньше ста семидесяти — ста восьмидесяти лет. Совсем недавно Доу Шишань узнал, что в эту эпоху развитых медицинских технологий совершеннолетие наступает в тридцать лет, период юности длится с тридцати до ста пятидесяти, зрелости — со ста пятидесяти до двухсот, а после двухсот лет человека можно было считать практически стариком. Неудивительно, что рождаемость в ту пору была такой низкой: будь она высокой, несколько пригодных для жизни человечества планет в звездном секторе были бы перенаселены. Одетый в похожий на китайский ханьфу наряд без единой складки, дедушка с первого взгляда производил впечатление человека педантичного до мозга костей. Ростом он был около метра девяноста — надо признать, современные люди вообще вымахивали весьма высокими, и он, должно быть, тоже вырастет под два метра, учитывая, что все родственники, за исключением роста омеги-родителя в метр семьдесят восемь, были весьма рослыми. Сы Юй внешне совсем не походил на отца: у дедушки были густые брови, большие глаза, высокий нос, чуть пухлые губы, пшеничный оттенок кожи и жёсткие волосы — чисто внешне он принадлежал к суровому типу мужчин, тогда как Сы Юй, судя по всему, пошёл в рано ушедшую из жизни мать. Дядя же больше напоминал дедушку, особенно тем, что от них обоих исходила мощная аура закалённых в боях вояк. Доу Шишань знал этот дух лучше всего и любил больше всего на свете.

Пока Доу Шишань разглядывал деда, разве мог тот не заметить изучающего взгляда внука? Дед тоже с любопытством осматривал мягкий комочек на руках у сына: крошечный малыш выглядел точь-в-точь как его омега-родитель в детстве, а пара чёрных блестящих миндалевидных глаз проворно бегала из стороны в сторону, ничуть его не пугаясь. Другие дети, не говоря уж об омегах, даже мальчишки — и те трепетали перед ним. А у этого храбрости было не занимать; маленький Сы Юй в его возрасте от страха даже толком не давал себя поддержать. Как же хотелось прижать к груди этот мягкий свёрток!

— Сы Юй, ребёнок растёт ладный, глазастый, — произнёс Сы Цисян и забрал Доу Шишаня из рук сына. Поначалу Сы Юй испугался, что отец не умеет обращаться с младенцами, и поспешно протянул руки на подстраховку, но никак не ожидал, что отец возьмёт внука так уверенно. Сы Юй не знал, что его отец тайком множество раз тренировался держать детей на руках, но из-за пугливости самого Сы Юя в детстве и внезапного вторжения жуков у отца

почти не оставалось шансов проявить отцовскую любовь. Упущенное детство Сы Юя и смерть его супруги лишь глубже развели их с сыном по разные стороны невидимой стены.

Сы Цисян баюкал ребёнка, переполненный самыми разными чувствами: его собственный сын в детстве ведь наверняка был таким же милым! И хотя зятя он недолюбливал, приходилось признать, что тот чертовски богат, а значит, ему следовало преподнести внуку что-нибудь по-настоящему ценное. Рассуждая так про себя, Сы Цисян извлёк на свет Божий давным-давно заготовленный подарок — случайно доставшуюся ему со времён Древней Земли тёплую нефритовую подвеску — и повесил её на шею внуку.

Доу Шишань сразу почувствовал, что нефрит, подаренный дедом, необыкновенно хорош: едва тот коснулся кожи, как по всему телу разлилось тепло особой циркулирующей энергии.

Дядя, дядин супруг и Линкольн один за другим тоже преподнесли свои дары — сплошь редчайшие вещицы, отыскать которые почиталось за великую удачу. Улыбка Доу Шишаня сияла так широко, будто за неё не нужно было платить.

— Ну и проныра же этот малыш! — с умилением воскликнул дядя. Остальные тоже поддержали его добрым смехом.

Праздник первой луны, как водится, подразумевал застолье. Поначалу Доу Шишань воображал, что праздничный банкет сведётся к совместному распитию питательной смеси, от одной этой мысли ему становилось смешно. Но теперь, взглянув на яства, заставшие стол, Доу Шишань понял, что заблуждался. Оказывается, в этом мире существовала не только питательная смесь. Доу Шишань еще не знал, что местная флора богата редкими растениями, которые можно было не просто употреблять в пищу, но и использовать для укрепления тела и развития способностей — их называли целебными травами. Существовало и мясо редких чудищ, пригодное в пищу, однако люди предпочитали перерабатывать всё в питательные смеси, поскольку так питательные вещества усваивались гораздо лучше, да и кулинарные навыки местных жителей оставляли желать лучшего!

Во время обеда Доу Шишань, у которого ещё не прорезались зубы, мог лишь смотреть на еду и облизываться — какая досада! Между делом он случайно заметил двоюродного брата — сына своего дяди по имени Сы Чжунчжэн, сидевшего рядом с его собственным старшим братом. Тот выглядел куда более надежным, чем его собственный братец.

На этом праздник первого месяца Доу Шишаня подошёл к концу, оставив после себя тепло и уют.